

Обе 84

П 34

234

Op 84

В. ПИСТОЛЕНКО

ЛАСТОЧКА

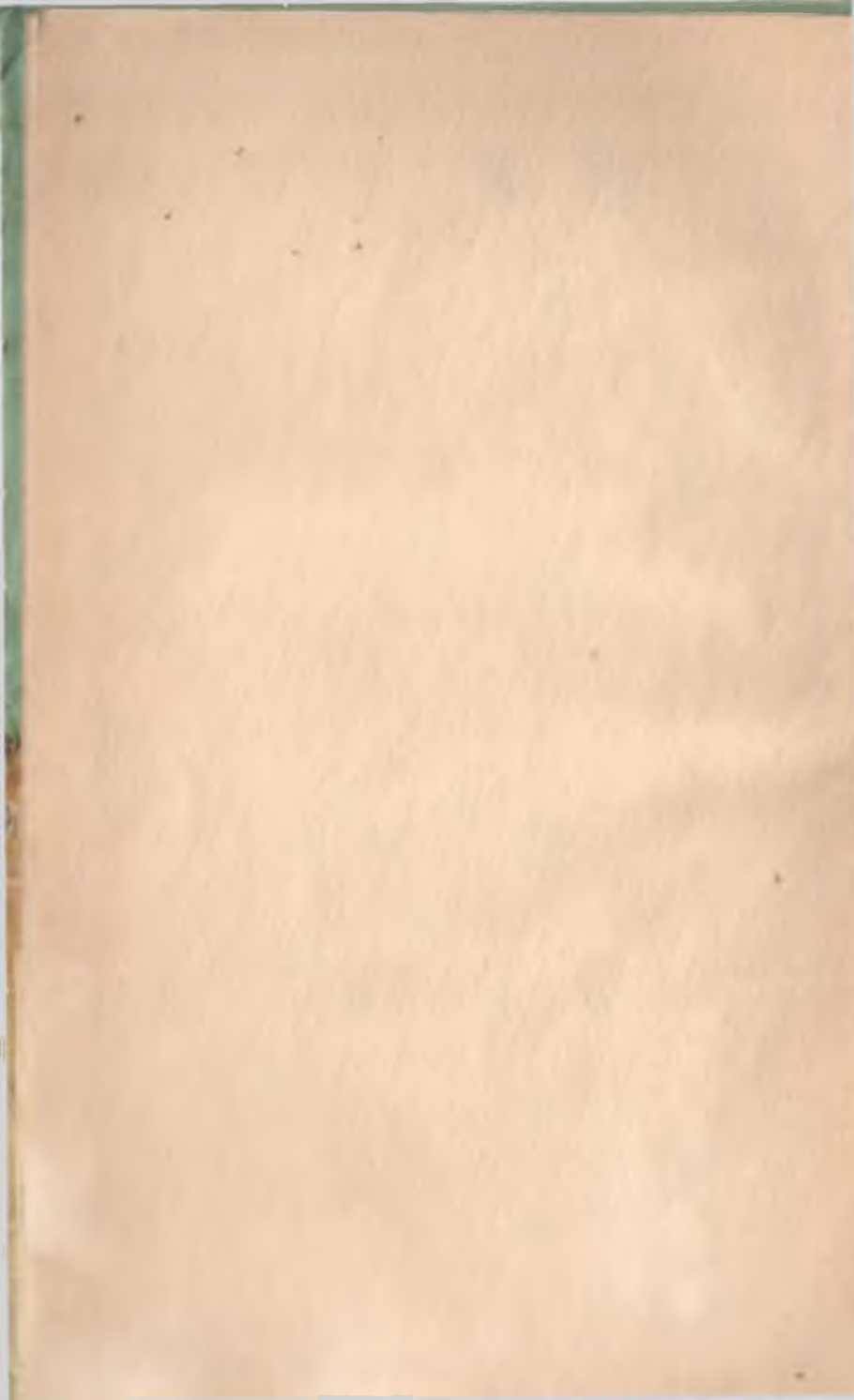
ДЕТГИЗ - 1953

R

Myriophyllum
fluviatile
ont. Jan 16. 1852.

71664

71664

В. ПИСТОЛЕНКО

Оренб

Т 34

ЛАСТОЧКА

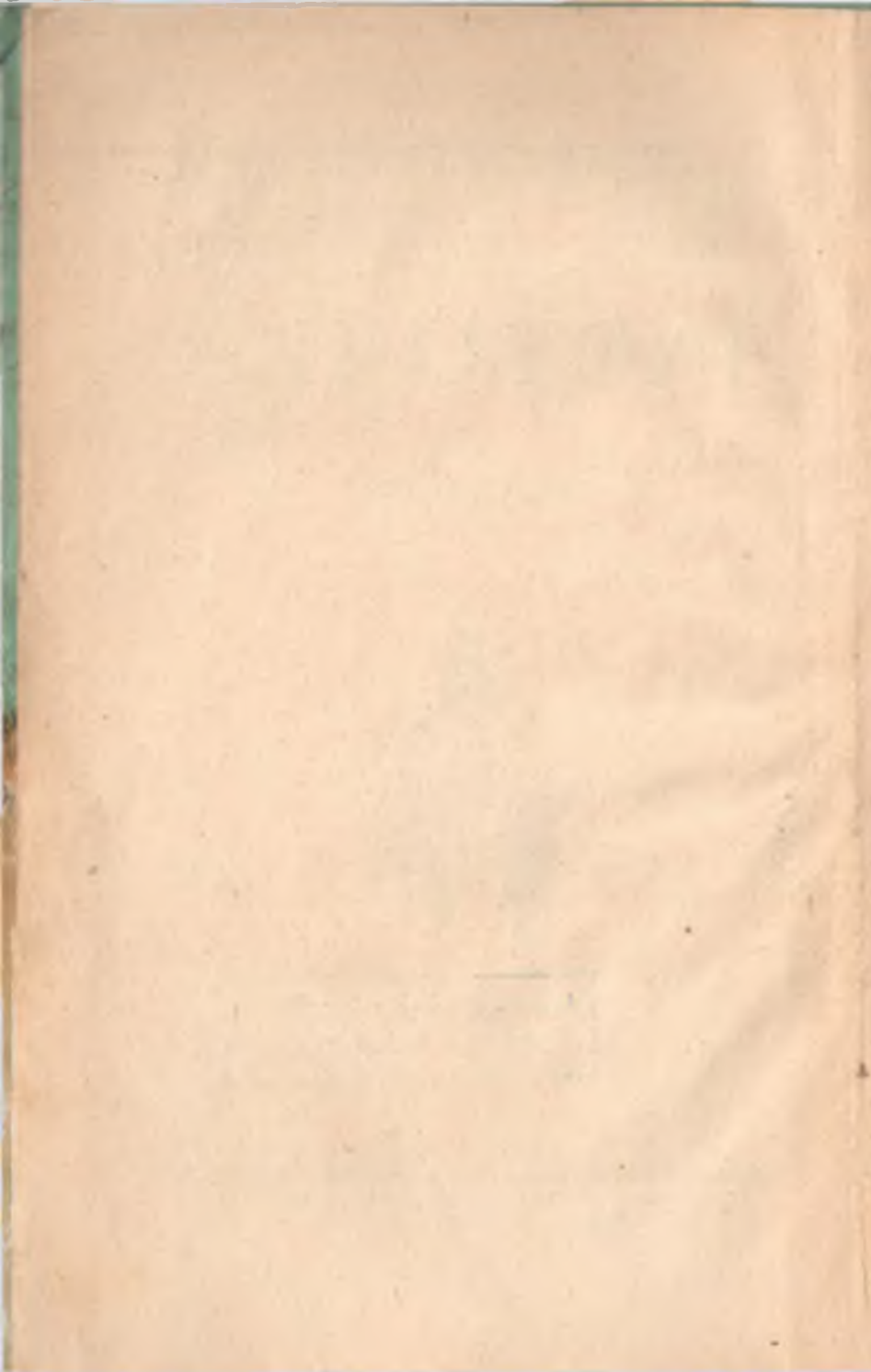
РАССКАЗЫ

Оренбургская областная
детская библиотека

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1953 Ленинград

71664

ЛАСТОЧКА

ТАБУН У ДОРОГИ

Мать Юры Васильева работала на железной дороге обходчицей. Жили они вдвоем в красном кирпичном домике у переезда, через который проходила большая шоссейная дорога. Кроме этого домика, никакого жилья вокруг не было. Только вдали чуть виднелось село Петровки, куда Юра ходил в школу. Раньше у матери Юры хватало времени на все: она успевала просматривать путь, встречать и провожать редкие на этой ветке поезда и делать все по хозяйству. Но с тех пор, как началась война и мимо будки ежечасно за-

мелькали поезда, работы на участке у нее прибавилось. Она стала рано уходить из дому и поздно возвращаться. Почти все дела по домашнему хозяйству легли на плечи Юры. Он кормил корову, убирал в сарае и вообще делал все, что не успевала сделать мать. В школе занимался он в первую смену, и потому большинство домашних дел приходилось на вторую половину дня.

Мать понимала, что учиться в школе и вести хозяйство Юре трудновато.

— Тяжело тебе, сынок, — говорила она. — Боюсь, как бы в ученье не отстал. Но теперь я плохая тебе помощница — мне временно и второй участок дали, едва успеваю обойти за день.

— Ты, мам, не беспокойся, я не отстану. Если хочешь, спроси в школе. У меня ведь только четверки и пятерки. А что трудно — так кому же сейчас легко? Наши ребята почти все и в школу ходят и в колхозе помогают. Да мне совсем и не трудно. Я уже привык.

Был хмурый октябрьский день.

Возвратившись из школы, Юра, как обычно, накормил и напоил Буренку, убрал за ней в сарае, затопил печку и сел готовить уроки. Он уже решил задачи по арифметике и принялся за историю, как вдруг кто-то постучал в окно. Юра подошел. За окном стояла пожилая женщина с худым, почти черным от загара морщинистым лицом. Усталый вид женщины и пропыленная одежда говорили, что она идет издалека и прошла уже много-много километров.

— Хлопчик, — обратилась она к Юре, — есть кто-нибудь дома из старших?

— Нет, — ответил он, — дома я один.

Женщина разочарованно кивнула головой.

— Смотри ты, беда какая... Что же теперь делать? — в раздумье произнесла она и пошла к шоссе.

Там стоял большой гурт скота — и лошади, и быки, и коровы. За последний год по этой дороге прошло немало табунов и стад; колхозники угоняли их на Урал и в Сибирь из районов, к которым приблизилась линия фронта.

«Зачем она приходила к нам? — подумал Юра. — Может быть, хотела попроситься переночевать? А может, надеялась достать хлеба?»

Не раздумывая долго, мальчик взял с полки пшеничный каравай, отрезал добрую половину и побежал за женщиной.

У гурта были две женщины: та, которая подходила к окну, и другая, помоложе. Они стояли возле чего-то черного, лежавшего на земле. Когда Юра подошел ближе, он увидел, что это была лошадь.

— Тетя, вы, может, хотели хлеба купить? Так я вам принес.

Юра не смог сказать «попросить», потому что все эвакуированные, проезжавшие и проходившие мимо будки, всегда просили продать им хлеба или другие продукты, хотя денег у них по какому-то неписаному правилу никто не брал.

— Принес хлеба? Спасибо, хлопчик, — сказала пожилая женщина и взяла хлеб у Юры.

А он торопливо проговорил:

— Только денег не нужно. — И чтобы не вызывать возражений, еще быстрее сказал: — У нас есть и хлеб и мука.

Женщина посмотрела на Юру долгим, внимательным взглядом, еще раз поблагодарила, и

он заметил, как задумчивое, строгое лицо ее вдруг озарилось ласковой улыбкой.

— Спасибо, хлопчик. А мама не поругает, что без спроса?

— Нет, что вы! Прошлый раз она, наоборот, похвалила меня.

— А я, правду сказать, не за хлебом пришла. У нас тут беда случилась. — И она показала на лежавшую лошадь.

Юра подошел ближе.

БОЛЬНАЯ ЛОШАДЬ

Это была чистая, без единого пятнышка или крапинки, вороная лошадь. Она лежала, неуклюже разбросав тонкие ноги и вытянув шею. Большие черные глаза ее были полузакрыты.

Лошадь была так худа, что, казалось, кожа присохла к ее ребрам. Она тяжело, с хрипом дышала, часто кашляла; при каждом вдохе ребра приподнимались, и между ними резко обозначались провалы.

— Что с ней? — взволнованно спросил Юра.

Пожилая женщина махнула рукой:

— Тут, хлопчик, если все рассказывать — дня мало. Мы — колхозники, из-под Воронежа. Наш колхоз «Новая жизнь» называется. Когда фашисты подошли близко, правление решило отогнать скот в ваши края. Трех назначили: меня, Дашу вот и животновода — дедушку Игната. Мы думали было, что совсем ушли от врагов, а тут, уже от Волги неподалеку, ихний самолет стал бомбить да из пулемета обстреливать. Нашего дедушку убило. Табун весь разбежался. А Ласточка, — женщина кивнула в сторону лежавшей ло-

шади, — оказалась умницей: нисколько не испугалась — стоит себе на месте, только ногами перебирает да ушами прыдет. Когда налет окончился, Даша села на нее верхом и поехала табун собирать. Много пришлось ей в тот день поскакать на Ласточке! Табун собрали, дедушку Игната надо хоронить. Мы и забыли про Ласточку. А она сгоряча холодной водыхватила — возле речки было дело. Ну, и захворала. Кашель появился. А теперь вон видишь какая стала. . . И надо случиться такому делу! Наш-то председатель колхоза партизанить остался, но когда провожал нас, строго-настрого наказывал: «Берегите коней». А мы вот как уберегли. . . Лечить бы надо Ласточку, да как будешь лечить в дороге? Табун — больше тысячи голов, не остановишь его из-за одной лошади. И на место скорее нужно. — Она немного помолчала и, посмотрев на Ласточку, с горечью сказала: — Эх, Даша, Даша, загубили мы с тобой лошадь!

— Тетя Феня, — взмолилась Даша, — чем же мы виноваты?

— И не оправдывайся, виноваты. Тем, что не досмотрели. . . Теперь и не знаю, что с ней делать. До сих пор кое-как шла, а сейчас совсем слегла, видно невоготу стало. Ну, как с ней быть?

— А вы ее в колхоз отдайте, в Петровки, — посоветовал Юра. — Тут не больше трех километров. Они возьмут.

— Мы знаем, что возьмут, — колхоз колхозу всегда поможет. Да как туда доставить? Она еле встает и тут же опять валится. Я затем и приходила к вам — думала, нет ли кого из старших. Хотела просить оставить ее у вас дня на два,

чтобы дать отдохнуть малость, а потом можно и в колхоз свести.

— А к нам во двор она дойдет?

— Сюда-то как-нибудь доведем — тут же совсем рядом.

— Давайте, ведите, — решительно сказал Юра. — Я сам буду за ней ухаживать, пока поднимется. Ведите, а я пойду место приготовлю в дровянике.

— А домашние согласятся? Не будут ругать тебя? — спросила Даша.

— Нет, мама ничего не скажет. Ведите. Не бросать же лошадь на дороге!

Юра помчался к себе во двор, открыл дровяник, освободил от дров и разной рухляди место, постелил на полу солому, как это делал для коровы, и положил к стене охапку свежего сена.

Пока он возился в дровянике, женщины привели понуро опустившую голову Ласточку. Лошадь оказалась очень рослой, и Юра с беспокойством подумал, пройдет ли она в дверь. Но все обошлось благополучно.

Ласточка, как только ввели ее в дровяник, легла.

— Ну, прощай, хлопчик, нам торопиться надо. Так лошадку-то ты Ласточкой зови. Она кличку свою хорошо знает.

— Тетя, а почему ее называли Ласточкой?

— Уж очень резвая была жеребенком, быстрая, как ласточка. За это и кличку ей дали такую.

— А сколько ей лет?

— Да она совсем молодая — весной третий год пошел.

Даша наклонилась над лошадью, погладила ей шею и прошептала:

— Ласточка, моя Ласточка...

Потом быстро поднялась и, не глядя ни на кого, зашагала к табуну. Юра понял, что Даше очень тяжело расставаться с лошадью.

Тетя Феня записала адрес Юры и оставила ему адрес колхоза, куда направлялся табун. Уходя, она крепко пожалала Юре руку, как взрослому:

— Когда доберемся до места, напишу тебе. А ты ответь побыстрее, как здоровье Ласточки. Гитлеровцы долго не удержатся. Когда будем возвращаться, заберем Ласточку, если она останется жива-здоровая.

А на дороге уже поднялась пыль: Даша погнала табун дальше.

НОВОЕ РЕШЕНИЕ ЮРЫ

Вечером, когда пришла с работы мать, Юра сообщил:

— А у нас в дровянике лошадь.

— Какая лошадь? Чья?

Юра рассказал ей обо всем.

— Только знаешь, мама, что я думаю? Мы ее не отдадим в колхоз — там и так работы много, людей, говорят, не хватает. А Ласточка очень больная, лишний человек понадобится для ухода. Я сам ее выхожу. Знаешь, как будут рады тетя Феня и Даша, если она поправится!

— Что ты, разве можно! Ведь ее кормить нужно. Взрослой лошади знаешь сколько кормов требуется! Сена-то мы запасли только для коровы, им двоим и до нового года не хватит.

Мать зажгла фонарь и вместе с Юрой пошла в дровяник.

Ласточка попрежнему лежала, вытянув шею. К сену и не прикасалась. При свете фонаря худоба лошади казалась еще страшнее.

— Ее скоро не поднимешь, — сказала мать. — Видишь, как исхудала, кожа да кости. А кашляет, бедняжка, словно человек. Ей, наверно, пить хочется — от ноздрей-то как огнем пышет. Пойди, принеси ей. Только холодной поить нельзя — может еще больше занедужиться. Ей надо давать чуть тепленькую.

Юра принес в ведре теплой воды. Ласточка выпила. Через час ей дали еще, слегка подогрев воду на примусе.

Мальчик долго не мог заснуть. Перед его глазами возникала то Ласточка, то тетя Феня с Дашей, то снова Ласточка.

Он понимал, что мать сказала правду. Им действительно лошади не прокормить, потому что сена запасли только для коровы.

Утром Юра, как только проснулся, побежал в дровяник. Лошадь лежала, сено осталось нетронутым.

— Ты кушай, Ласточка, — сказал он, —правляйся!

Словно отвечая на его ласковую заботу, лошадь слегка приподняла голову и тихо заржала. Потом снова запрокинула голову, закрыла глаза и оставалась безучастной к тому, что Юра гладил ей шею, почесывал за ушами и приговаривал:

— Что же у тебя болит, Ласточка? Где болит? Ты потерпи, мы сегодня на звене поговорим

и что-нибудь придумаем. Вот одну тебя оставлять не хочется, а иначе нельзя — в школу нужно. Не обижайся, что остаешься одна, без присмотра.

НА СОБРАНИИ ЗВЕНА

Хотя по плану Юрино звено должно было собраться только через день, Юра объявил ребятам, чтобы они остались после уроков на внеочередной сбор.

В четвертом классе «А» в тот день было всего четыре урока. Когда прозвенел последний звонок и в классе остались только ребята второго звена, Юра, не теряя времени, приступил к делу:

— Я собрал звено затем, чтобы посоветоваться и решить, как быть. Вчера мимо нашей будки гнали табун скота колхозники из-под Воронежа. Одна лошадь у них заболела, чуть дышит. Я ее у себя оставил, в дровянике. Худая-худая. И все стонет.

— Чудак, на дохлятину позарился! — насмешливо скривив губы, сказал Семен Половинкин.

За грубость и озорство ему нередко доставалось и от Юры и от всего звена. Но Семен считал, что Юра всегда к нему придирается, и поэтому недолюбливал его.

— Неправда! — взволнованно возразил Юра. — И вовсе я не зарился. Понятно? Лошадь колхозная, погибнуть может. Надо помочь. А кто поможет? У переезда только наша будка.

— Ну, взял — так и ухаживай за ней на здоровье. А нам какое дело? — ответил Семен. — И без того в колхозе дел по горло.

— Как «какое дело»? — воскликнул сидевший на одной парте с Юрой Коля Серов. — Тебе всегда ни до чего дела нет. Не дослушаешь до конца и начинаешь. . . Давай, Юра, говори.

— Тут и говорить долго нечего. Когда я решил взять к себе лошадь, то мне пришло в голову: хорошо, если бы все наше звено согласилось шефствовать над ней. Но ты, Семен, не думай, что я просить буду: мол, не справлюсь, помогите! Не хотите — и не нужно, один буду ухаживать.

— По-моему, — горячился Коля Серов, — нужно так сделать: кто не хочет участвовать в этом деле, пусть идет домой, сидеть здесь и языком болтать нечего. Пускай Семен отправляется домой. Уходи, Половинкин!

Ребята зашумели, поддержали предложение Коли, но Семен и не собирался уходить.

— Чего вы на меня напустились? Слова сказать нельзя. . . А Юрка пусть сразу говорит, не тянет.

В это время в класс вошла старшая пионервожатая Оля. Она постояла немного у двери, прислушиваясь к спору, но так и не поняв, из-за чего он разгорелся, попросила Юру рассказать, в чем дело. Юра в нескольких словах рассказал о Ласточке, о том, что звено с охотой согласилось ухаживать за больной лошадью и что возражает только один Семен Половинкин.

— А я и не возражаю! — буркнул Семен.

— Как не возражаешь? — накинулся на него Коля Серов. — Не ты ли только что говорил: «А нам какое дело»!

Слово взяла Оля:

— Юра правильно поступил. Кто они, эти люди, которые гнали табун? Колхозники, советские люди. Фашисты напали на их село, и они за тысячи километров погнали скот в наши края, чтобы спасти его. Не собственных коров погнали, а колхозный скот. Как ты думаешь, Семен, должны мы им помочь или нет?

— Конечно, должны, — ответил тот.

— Так почему же ты против предложения Юры о шефстве над лошадьёю? — спросила Оля.

— Да я и не против, только к Юриной будке ходить далеко. Туда час да обратно час. Времени жалко. Давайте лучше отведем ее в село. Можно ко мне во двор или на колхозную конюшню.

Но Юра запротестовал: лошадьё лежит почти без движения, и сейчас ни в коем случае нельзя ее трогать.

Порешили на том, что над больной лошадьёю будет шефствовать все звено.

— Давайте сейчас пойдём к Юре, поглядим лошадьё, — предложил кто-то из ребят.

— Нечего зря ноги топтать! — возразил Семен. — Думаешь, ей полегчает оттого, что ты поглядишь на нее? К ветеринару нужно сходить, а потом можно и в будку.

Вожатая предложила пойти всем звеном к директору школы и посоветоваться с ним.

Николай Петрович (так звали директора) горячо одобрил решение ребят, но предупредил:

— Смотрите, друзья, не опозорьтесь. Слово пионера не должно расходиться с делом. Нужно будет приложить все усилия, но лошадьё спасти. Спасти во что бы то ни стало!

Тут же, в кабинете директора, был составлен план дальнейших действий.

ПЕРВОЕ ПОСЕЩЕНИЕ

Прямо из школы ребята пошли в правление колхоза, к председателю. Он внимательно выслушал их и похвалил:

— Правильно поступаете, ребята. А что касается кормов — поможем. В выходной день я велю девушкам подвезти сена. Кормов у нас, правда, лишних нет, но для вашей лошадки найдем.

— А вы дайте нам подводу, мы сами подвезем, — попросили ребята.

— Еще лучше! Коли так — возьмите сена от ближних ометов. Только чтоб все было в порядке, зря корм не тратить. А сейчас я пошлю с вами колхозного ветврача, пускай посмотрит вашу Ласточку.

Взяв записку председателя, все звено направилось к Ивану Матвеевичу, ветеринарному врачу, и вместе с ним — к Юре.

Осмотр Ласточки был недолгий. Иван Матвеевич выслушал ее грудь, измерил температуру и вздохнул:

— Положение, ребята, тяжелое. Не скажу — безнадежное, но опасное. Крупозное воспаление легких. Болезнь серьезная, не все лошади от нее выздоравливают. Однако будем надеяться на лучшее: лошадь еще молодая, организм не изнорен, ему легче бороться с болезнью. Многие будет зависеть от ухода.

Он дал Юре белые порошки, рассказал, как разводить их и когда поить лошадь.

— А пить будет? — спросил Юра.

— Будет, будет! У нее высокая температура, ее жажда все время мучит. Вы ее почаще поите.

Только не давайте ни горячей, ни холодной — вода должна быть чуть теплой, как говорят — комнатной температуры. Завтра я снова наведаюсь. Такое состояние, как у нее, долго не может длиться.

Вышли из дровяника. Уже были сумерки, моросил мелкий дождь.

— Ну, ребята, пошли, пока дождик маленький, — сказал Иван Матвеевич. — Теперь его не переждешь: на недельку, а то и больше зарядил. Осень пришла, никуда от дождей не денешься.

— Юра, а я сегодня у тебя останусь, — предложил Коля Серов. — Вместе будем к Ласточке ходить. Пусть мое дежурство будет первым. Ладно?

— Оставайся! — обрадовался Юра, но тут же спохватился: — А дома как? Ведь твоя мама не знает, что ты у меня заночуешь, беспокоиться будет.

— Ребята забегут, скажут. Зайдешь, Семен?

— Ну что ж, зайду. . . А ты, Серов, не дурак: не хочешь по дождю назад шлепать. Этак и я согласился бы остаться сегодня.

У Коли вспыхнули щеки:

— Неужели ты вправду думаешь, что я из-за дождя решил остаться? Как тебе не стыдно! Мне просто жалко лошадь. Может, я и завтра приду. Пусть будет дождь, а я все равно приду! И каждый день буду приходить!

— Да не из-за чего стараться-то, — сквозь зубы процедил Семен. — Это же не конь — шкура одна.

И вдруг маленький Коля коршуном налетел на рослого Семена Половинкина и зачастил своими небольшими кулаками по его телогрейке. Семен

сначала опешил, отшатнулся назад, потом засопел и молча ринулся на Серова. Если бы не вмешались остальные ребята и Иван Матвеевич — быть бы большой потасовке.

— Эх, вы! За такое хорошее дело беретесь, а драку затеяли! — с упреком сказал Иван Матвеевич. — О-очень хорошо, о-очень похвально. . .

— А я его трогал? — оправдывался Семен. — Я не задевал, он первый кинулся.

— А ты словно камень, никакого чувства у тебя нет! Лошадь чуть жива, а ты — «шкура одна»! — возмущался Коля.

— Хватит разговоров! — сказал Иван Матвеевич. — Оба вы хороши, только ума пока у обоих маловато: один не думает, что говорит, а другой — не понимает, что делает. . . Идемте домой, вечер на дворе.

Все направились к воротам.

— Коля, ты тоже уходишь? — спросил Юра. Коля молча кивнул головой.

— Почему?

— Мама же не знает, а Семен не зайдет.

Семен резко повернулся лицом к Коле:

— Ты не плети, чего не надо. Поругались — одно, а дело — другое. . . Сказал — зайду, не какой-нибудь. . .

Коля остался.

ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ

На столе Юра нашел записку матери. Она писала, что уехала на станцию на партийное собрание и что ночью ее подвезут домой на дрезине.

Ребята начали хозяйничать. Скоро в печке горел уголь и в комнате вкусно запахло жареным

картофелем. Возле сковородки на плите стояла большая кастрюля; в ней грелась вода для Ласточки.

Перед ужином приятели наведались в дровяник. Ласточка, закрыв глаза, лежала в том же положении, как и час назад. На их приход она не обратила внимания и, только когда к самому ее рту поднесли ведро с водой, шевельнула ноздрями и потянулась к питью.

— Пьет, — тихонько, словно боясь, чтобы не услышала лошадь, сказал Коля. — Лекарство ей поможет.

Ласточка снова закрыла глаза.

Ребята наскоро поужинали и сели за уроки. Юра внимательно следил за часами, и всякий раз, когда минутная стрелка останавливалась на двенадцати, друзья поднимались из-за стола и шли к лошади.

Пробило одиннадцать. Высыпав в воду порошок, ребята зажгли фонарь и пошли к Ласточке.

То, что они увидели, заставило обоих вздрогнуть. Ласточка лежала, неестественно запрокинув голову. Рот был полуоткрыт. Слышался прерывистый хрип.

Юра поспешно пододвинул ведро с питьем.

— Не пьет, — сказал он растерянно, — ей плохо.

Коля молча кивнул головой. Потом вдруг решительно потянулся к ведру:

— Юра, давай зальем ей в рот.

— Зачем?

— Ведь это же лекарство! А вдруг оно хоть немного поможет?

— А если захлебнется?

— Не захлебнется. Я видел, как дедушка телке в рот лекарство заливал. Приподнимай ей голову, а я буду лить.

Лошадь почти не сопротивлялась. Коля ловко вдвинул ей в рот край ведра и начал вливать. Ласточка пыталась освободить голову.

— Держи крепче! — крикнул Коля.

В горле лошади заклокотало, забулькало, и она сделала несколько глотков. Много жидкости вытекло на пол, но часть ее Ласточка все же проглотила. Юра бережно опустил ее голову, предварительно пододвинув под нее ногой клочок сена.

Ласточке, видимо, с каждым мгновением становилось труднее. Хрипы стали непрерывными, она начала стонать — тихо, протяжно.

Ребята молча стояли рядом с лошадей, не зная, чем бы ей еще помочь.

— Ей очень плохо, — прошептал Коля.

Юра кивнул головой.

— Она, наверно, помрет, — продолжал шептать Коля.

Юра вдруг встрепенулся и почти крикнул:

— Не болтай чего не следует! Нужно что-то делать, а мы стоим.

Коля посмотрел на Юру вопросительно, словно ожидая его распоряжений.

— Нужно за врачом бежать.

— Так на улице же ночь... и дождь, — несмело ответил Коля.

— Ну и что же? Я побегу, а ты останешься.

Коля молчал, опустив глаза, но Юра по его виду понял, что оставаться ему не хочется.

— Ну, ты иди, а я останусь. Только решай скорее.

— Давай вдвоем, — смущенно предложил Коля.

Ночь стояла темная, а дождь шел такой, что, казалось, кто-то непрерывно поливает землю из ведер.

Пока шли по шоссе, грязи почти не замечали, но как только свернули на проселок, идти стало труднее — сапоги глубоко уходили в раскисшую землю.

Расстояние от будки до Петровок Юра всегда считал совсем незначительным и уверял товарищей, что даже в зимнее время, когда в степи разгуливает вьюга и заваливает дорогу сугробами, он эти три километра проходит за полчаса. Но теперь ему казалось, будто прошло уже несколько часов, а Петровок все еще не было.

Сначала они шли рядом, потом более слабый Коля начал отставать. Юра тоже устал, ему хотелось отдохнуть, присесть где-нибудь на придорожном камне, но он все время видел перед собой запрокинутую голову Ласточки — и шагал, шагал. . .

Время от времени он, не останавливаясь, оглядывался назад и окликал Колю:

— Идешь?

— Иду, — издали доносился голос Коли.

— Не отставай.

— Я не отстаю. Грязь больно липкая, ногу не вытащишь.

— Теперь Петровки близко, скоро дойдем. Давай прибавим шаг.

Коля попытался было идти быстрее, но из этого ничего не вышло. Ноги скользили, ползли в разные стороны, того и гляди шлепнешься в грязь.

Наконец в темноте показались редкие тусклые огни.

— Петровки! — радостно крикнул Коля и бегом стал догонять Юру.

В домике Ивана Матвеевича горел огонь. Сквозь незанавешенное окно ребята увидели, что старый врач сидит у стола, склонившись над книгой.

— Читает, — прошептал Коля. — Смотри, записывает. . . А вдруг он не пойдет?

— Почему не пойдет? — так же шопотом спросил Юра.

— Ночь. И дождь льет. А Иван Матвеевич уже старый. Он ведь и так пешком к будке приходил. Устал, наверно.

— Не такой он человек, чтобы не пойти. Мы ж не из-за пустяков, а по делу. Давай стучать.

— Не заругается? — спросил Коля, немного отступая от окна.

Юра рассердился:

— По-твоему, назад нужно вернуться? Шли, шли — и без толку? Раз взялись — так до конца доведем дело.

Юра постучал в дверь — сначала тихонько, потом сильнее. В сенях послышались шаги, звякнула щеколда. Дверь раскрылась, и на пороге показался Иван Матвеевич. Выйдя из светлой комнаты, он, чуть наклонив голову, всматривался в темноту.

— Кто здесь? — спросил Иван Матвеевич.

— Это мы, — ответил Коля, — из будки. От Ласточки.

— Из будки? — удивился Иван Матвеевич. — Входите же, входите быстрее! Дождь-то вон какой льет!

Вслед за Иваном Матвеевичем ребята вошли в ярко освещенную комнату.

— Так что же случилось?

Юра раскрыл было рот, чтобы рассказать, зачем они пришли, но Иван Матвеевич, всплеснув руками, воскликнул:

— Да ведь вы совсем мокрые! Сейчас же раздевайтесь, снимайте с себя все! Я дам вам что-нибудь сухое.

— Мы не замерзли. . . — начал было Юра.

Но Иван Матвеевич, строго глянув на него, приказал:

— Без разговоров, сейчас же раздевайтесь!

Он побежал в соседнюю комнату и через несколько минут вернулся с ворохом одежды:

— Вот вам, переодевайтесь. Великовато будет, не на вас все это шилось. Ну, да ничего, не на бал идти.

Ребята стали переодеваться.

— Ну, так что там с Ласточкой?

— Она помирает, Иван Матвеевич, — ответил Коля.

— Помирает? Очень быстро вы решаете! А может быть, наоборот — поправляется? Лекарством поили?

— Поили, да она не пьет, — ответил Юра.

— Совсем не пьет? — с тревогой спросил Иван Матвеевич.

— Сначала пила, а потом не стала. Мы с Колей заливали ей в рот лекарство.

— Заливали? Сами? И получилось?

— Не очень получилось, — сказал Юра. — Больше пролили.

— Но хотя бы немного она проглотила?

— А как же, проглотила, — заверил Коля.

— Это уже хорошо. Правильно поступили. Сейчас поедем посмотрим, что и как.

Иван Матвеевич не стал больше расспрашивать. Он торопливо оделся, запряг лошадь, усадил ребят в тарантас, накрыл их брезентовым плащом и выехал со двора.

Сквозь дверные щели дровяника во двор на лужи падали полоски света. В дровянике была мать Юры.

— Молодцы! — с суровой укоризной встретила она ребят. — Если уж взялись ухаживать за больным животным, так нужно ухаживать. А вы одну ее бросили! Она, бедная, задрожала вся, когда я ей воды подала. Где это вы бродили ночью, да еще в дождь?

Тут в дровяник вошел Иван Матвеевич:

— Не ругайся, Савельевна! Ребят похвалить надо — они же за мной бегали.

Юра тормозил мать:

— Она пила, а? .. Иван Матвеевич, Ласточка пила!

— Если пила — значит, не все еще потеряно. У нее, видимо, кризис был. Хорошо, что вы насильно влили ей лекарство. Оно безусловно принесло пользу.

Ласточка лежала в том же положении, но уже не дрожала и время от времени пыталась приподнять голову.

Иван Матвеевич снова внимательно осмотрел ее и выслушал. Потом размешал в воде белый порошок и насильно влил этот раствор в рот Ласточке. Он проделал эту процедуру очень быстро и так искусно, что ни одна капля не пролилась на пол.

Коля тихонько толкнул Юру, кивнул головой и прищурил глаза, выражая этим восхищение перед уменьем Ивана Матвеевича.

Врач пробыл возле лошади больше часа и, уезжая, сказал ребятам:

— Ну, герои, кажется, самое страшное миновало. Во всяком случае, надежды не терять. Теперь Ласточке опасность грозит меньше, чем днем.

На следующий день товарищи Юры, несмотря на дождь, навестили Ласточку. Пришли даже ребята из других классов.

Юрино звено написало письмо тете Фене и Даше. Показали его Ивану Матвеевичу. Он внимательно прочитал его и дописал: «Ласточка болела очень серьезно, но кризис миновал. По всем признакам, лошадь будет жить. Осталась она жива только благодаря ребятам». И подписался: «Ветврач Тимкин».

В выходной день ребята привезли фургон сена. Сложили его возле дровяника.

— Сено подходящее, — сказал Семен Половинкин. — Хоть в чайник клади заваривать.

— Давайте понесем Ласточке, может станет есть, — предложил Коля.

— Нет, не будет, — сказал Юра. — У нее лежит сено.

— А может, и будет, — настаивал Коля.

— Конечно, будет, — поддержал его Семен и, взяв пучок сена, пошел в дровяник.

За ним — остальные ребята. Семен подложил сено к самому рту лошади, но она будто и не заметила. Семен недовольно пожал плечами и пошел из дровяника:

— Такого добра не есть! Уж и не знаю, чего ей надо.

— А ей сейчас ничего не надо, — загорячился Юра. — И ты не придирайся. Человек болеет — тоже, кроме воды, ничего в рот не берет.

Снова, казалось, готова была вспыхнуть ссора, но Семен ссориться не захотел:

— Ты, Юрка, не кипятись. Понятно? Лучше расписание составь, когда кто дежурит. Чтоб каждый знал. Звено взяло шефство? Звено. А дежурят только трое.

Вечером Юра составил расписание дежурств.

ЛАСТОЧКА ПОПРАВЛЯЕТСЯ

Каждый день после занятий вместе с Юрой приходил кто-нибудь из ребят, помогал ему убирать в дровянике и дежурить возле лошади.

Иван Матвеевич навещал Ласточку через день. Однажды, осмотрев лошадь, он сокрушенно покачал головой:

— Загнать такую лошадь! Да ведь ей цены нет. Ухаживайте, ребята, хорошенько. Болезнь у нее тяжелая, но выходить можно.

Мальчики старательно делали все, что приказывал врач.

Ласточка стала понемногу есть, затем начала подниматься на ноги, но попрежнему кашляла и все еще напоминала скелет, обтянутый кожей. Стояла она обычно понуро, опустив голову.

Вскоре пришло письмо от тети Фени и Даши. Они благодарили ребят и просили приласкать за них Ласточку. Ребята ответили. Так завязалась между ними оживленная переписка.

Прошла дождливая осень, наступила зима. Нередко в выходной день у Юры собиралось все

ивно. После разгрома фашистских полчищ под Сталинградом ребята подолгу говорили о славной победе и о начавшемся у волжской твердыни большом наступлении советских войск. Эту тему они могли обсуждать часами.

— Вот прогонят наши гитлеровцев, — как-то сказал Коля Серов, — и Ласточка полетит в свой колхоз. . .

— Выходи ее сначала, а потом и лететь пускай. Больно все быстро у тебя получается! — возразил Семен Половинкин.

— И выходим! Теперь выходим, вот увидишь! — горячился Коля Серов.

Свою подшефную ребята не забывали. Каждый из них считал долгом принести Ласточке какой-нибудь гостинец: ломоть хлеба или даже кусочек праздничного пирога. Она привыкла к этим подаркам и с удовольствием принимала их. Однажды кто-то принес кусочек сахара. Ласточка взяла его и, видимо, с наслаждением съела. Присутствовавший при этом Иван Матвеевич угрозил ей пальцем и сказал:

— Вишь, как они о тебе заботятся! Нужно и совесть знать, хватит болеть. . . Ну, да посмотрим, что весной будет.

В мае, когда появилась свежая и сочная трава, Ласточка стала быстро поправляться. Куда девался ее понурый вид, неповоротливость! Она превратилась в стройную, красивую лошадь с блестящей, почти черной шерстью, с изогнутой по-лебединому шеей.

Ребята достали для нее упряжь и попробовали запрягать. Ласточка легко и быстро мчалась по степной дороге, но скоро уставала и тут же после езды ложилась.

Врач посоветовал не увлекаться частыми и длительными поездками, но и не рекомендовал давать лошади застаиваться. По его совету, Юра каждое утро ездил на ней верхом. Управлять Ласточкой было нелегко. Она оказалась горячей лошастью и всегда пыталась мчаться во весь опор. Юре с большим трудом удавалось удерживать ее на тихой рыси. Особенно горячилась Ласточка, когда видела впереди себя другую лошадь. Тогда она старалась во что бы то ни стало обогнать ее, и удержать в этом порыве Ласточку было почти невозможно.

К концу лета она настолько поправилась, что ее стали использовать для перевозок: подвозили на ней к школе во время ремонта глину, песок, доставляли на школьный двор топливо. Правда, старались ее не перегружать, за этим следил сам директор школы, да и ребята никому бы не дали свою любимицу в обиду.

СТАРЫЙ ЖИВОТНОВЕД УЗНАЕТ ПОРОДУ

Однажды на школьный двор пришел колхозный животновод. Ребята как раз привезли с опытного участка картофель.

— Пришел поглядеть на вашу лошадь, — сказал животновод. — Много о ней слышал.

Ребята бросили разгружать картошку, окружили животновода и наперебой стали расхваливать Ласточку. Один говорил, что она послушна, как ребенок, другой — что она очень быстрая, третий — что у нее глаза умные, как у человека, что понимает она каждое слово и только говорить не может. Им всем хотелось, чтобы дедушка Егор (так звали животновода) по достоин-

ству оценил Ласточку. Кому ж не известно в Петровках, что он, как никто другой, разбирается в лошадях и что его похвала стоит многого!

Старик внимательно молча осмотрел и ощупал лошадь и измерил длину ноги от копыта до коленного сустава.

— Кто из вас за старшего возле лошади? — спросил он после осмотра.

— Пока не заберут ее в колхоз, — сказал Юра, — хозяином считается школа, директор школы. Он нам все распоряжения дает.

— Ну, а конюшит кто?

— Все наше звено за ней ухаживает, — ответил Юра.

— И совсем не так, зачем неправду говоришь! — вмешался Семен Половинкин. — Юра у нас главный конюх, а мы все помогаем.

На крыльцо школы вышел директор; увидев животновода, он направился к нему:

— Что, Егор Иванович, лошадку нашу смотрите?

— Ребятишки много говорят о ней, вот я и зашел.

— Ну, и как она?

Взоры всех ребят устремились на животновода. А он медлил с ответом, словно обдумывал, как лучше сказать им что-то неприятное. Потом подошел к Ласточке и погладил ей шею:

— Про лошадку вашу вот что скажу: порода у нее — чистокровная рысачка. Рысачка орловских кровей. Не лошадь, а богатство! Благодородный конь! . . Молодцы, ребята, что выходили. Ей бы, голубушке, разве картошку возить? На бегах ее место, на племенной ферме.

— Выходит, на ней работать нельзя? — спросил Юра.

— Почему нельзя? Теперь ей, пожалуй, только и осталось, что работать. Как-никак, переболела лошадь. Это, наверно, отразилось на ней... А лошадь еще молодая, ей всего три года.

Ребятам, конечно, хотелось, чтобы Ласточка стала лучшей лошадей в колхозе. Но то, что сказал Егор Иванович, поразило их. Они немало слышали о чистокровных рысаках. Мечтали если не прокатиться на такой лошади, то хоть вблизи увидеть ее. И вдруг их Ласточка — рысак, но рысак, который бегать уже не может...

ПЕРВАЯ ПРОБА

Отец Семена Половинкина был колхозным бригадиром. Как-то днем, направившись верхом к отцу на полевой стан, Семен завернул к Юриной будке. Под ним был молодой жеребчик Резвый, один из самых быстрых в бригаде.

Семен постучал в окно, не слезая с лошади, и, увидев Юру, поманил его к себе. Когда Юра вышел, Семен, словно заговорщик, молча оглянулся вокруг и таинственно прошептал:

— Давай попробуем, а?

Хотя и не было сказано, что именно «попробуем», Юра прекрасно понял Семена.

— Нет, — ответил он, — а вдруг опять с ней что-нибудь случится?

— А что может случиться? Вон какая она налитая! Скажи — просто боишься за нее.

— Чего же это мне бояться?

— Будто не понимаешь! А вдруг не выдержит

перед Резвым? Нахвалить-то ее нахвалили, а может, еще и не за что.

Эти слова возмутили Юру, ему захотелось поругаться, навсегда поссориться с Семеном, но он сдержался и спокойно ответил:

— Кто же это нахваливал Ласточку? Лошадь как лошадь. А говорить зря нечего.

— Значит, не будешь скакать?

— Зачем же мне на ней скакать? Она не из скаковых, а из рысистых.

— Ну, и мы давай их рысью пустим. . .

— Сказал — не буду, значит не буду! — ответил Юра и решительно направился к будке.

Но Семен спрыгнул с лошади и схватил его за руку.

— Юрка, ну будь другом! — просящим голосом заговорил он. — Ведь мне жалко ее: рысистой породы — и не может бегать! Давай попробуем, а? Ничего с ней не случится. . . Мы немного, вон только до того куста. . . проверим. Может, и неправду говорил дед Егор. Давай, а? Даю тебе честное слово: если Резвый обойдет Ласточку, я никому про это не скажу.

Юра никогда не видел Семена таким возбужденным. Он понял, что Семен беспокоится о славе Ласточки и что в его просьбе нет злого умысла. Ему и самому не раз приходила в голову мысль: может быть, дедушка Егор ошибся?

Юра колебался, а Семен продолжал уговаривать:

— Понимаешь? Может, мы для нее доброе дело сделаем. Мы же не на десять километров пустим, а малость одну.

— Немного ехать — ничего не узнаешь.

— Как «не узнаешь»? Сразу увидим, кто обгонять будет.

Юра долго еще не соглашался, но возражения его становились все менее решительными и твердыми, а желание обогнать Резвого возрастало.

Наконец он не выдержал, побежал во двор и выехал верхом на Ласточке.

— Только давай, Семен, не подводить! Скачем лишь вон до того куста. Кто первый придет — поворачивай назад.

Они встали, поставили лошадей рядом, на дороге, и Семен скомандовал:

— Раз, два, три!

Лошади рванулись вперед. Резвый, скакнув, сразу же на полкорпуса обогнал Ласточку. Юра толкнул пятками в бока свою лошадь, и ветер засвистал в его ушах. Фуражка его слетела с головы, и он уже не думал ни о Резвом, оставшемся позади, ни о том, что в любую минуту мог свалиться на землю, — он круто натягивал повод и старался остановить лошадь, промчавшуюся мимо куста. Но чем сильнее тянул он повод, тем быстрее неслась Ласточка. Вдруг Юра почувствовал, что сползает с лошади. Он отпустил повод и обеими руками ухватился за гриву. Ласточка резко замедлила бег и остановилась. Юра сполз на землю. К нему скакал отставший Семен.

— Юрка, друг! — кричал он издали. — Ведь она ж как молния! Так рванулась мимо, я чуть не ослеп. Вот лошадь! Давайте будем ее звать не Ласточкой, а Молнией.

Ребята осмотрели Ласточку. Бока ее часто поднимались и опускались, но не было заметно,

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете прочитать в
ГБУК «Оренбургская областная
полиэтническая детская библиотека»
по адресу: ул.Терешковой 25;
тел. для справок: (3532) 77-51-01